

Мезолитические стоянки Кильдинского пролива и проблема заселения Кольского полуострова в каменном веке

А. И. Мурашкин, Е. М. Колпаков

Для цитирования: *Мурашкин А. И., Колпаков Е. М.* Мезолитические стоянки Кильдинского пролива и проблема заселения Кольского полуострова в каменном веке // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64. Вып. 2. С. 666–682.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2019.214>

Пути и время инициального заселения Северной Фенноскандии относятся к самым актуальным темам арктической археологии. В последнее десятилетие Кольская археологическая экспедиция Института истории материальной культуры РАН (КолАЭ ИИМК РАН) провела раскопки мезолитических стоянок Гусиный 4–7 на южном берегу Кильдинского пролива Баренцева моря. Стоянки расположены на древних морских террасах на высотах от 27–30 до 35 м н. у. м. На стоянке Гусиный 6 раскопом 16 м² исследовано квадратное слабо углубленное жилище размером 3 × 3 м, в нем обнаружены изделия из кварца, кремневого песчаника и кремня, в том числе серия черешковых наконечников «аренбургского» облика и топоров на отщепках. По характеру инвентаря стоянка Гусиный 6 относится к кругу памятников фазы I по Б. Ульсену (Комса — по П. Вудману). Фаза I датируется 10000–9000 ВР и отражает первоначальное заселение Северной Фенноскандии вдоль норвежского побережья. Исследованная площадь на стоянках Гусиный 4, 5, 7 составляет 118, 80 и 42 м². Материалы памятников чрезвычайно сходны. В качестве сырья использовался кремль, кремневый песчаник и кварц. Технологический контекст индустрии указывает на то, что расщепление на стоянках было направлено на получение пластин в технике отжима или удара через посредник. Набор орудий на стоянках ограничен. Большой серией представлены пластины с ретушью (зачастую намеренно фрагментированные), концевые скребки на пластинах, резцы на углу сломанной пластины. В коллекции стоянки Гусиный 5 имеется черешковый наконечник, оформленный пологой ретушью на вентральной поверхности. Ближайшие аналогии стоянкам Гусиный 4, 5 и 7 находятся в материалах стоянки Суяла (Северная Финляндия) и среди других памятников с так называемой восточной пластинчатой технологией, которая распространяется в Северной Фенноскандии после 9000 лн. Вероятно, она является свидетельством миграции населения из лесной зоны Восточной Европы.

Антон Игоревич Мурашкин — ст. преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; a.murashkin@spbu.ru

Anton I. Murashkin — Senior Lecturer, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; a.murashkin@spbu.ru

Евгений Михайлович Колпаков — канд. ист. наук, ст. науч. сотр., Институт истории материальной культуры РАН, 191186, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18; eugenkolp@yandex.ru

Evgeny M. Kolpakov — PhD in History, Senior Researcher, Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Dvortsovaya nab., 18, St. Petersburg, 191186, Russia; eugenkolp@yandex.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2019

Ключевые слова: Кольский полуостров, Северная Фенноскандия, мезолит, заселение, культура Комса.

Mesolithic Sites of the Kildinsky Strait and the Problem of Settling the Kola Peninsula in the Stone Age

A. I. Murashkin, E. M. Kolpakov

For citation: Murashkin A. I., Kolpakov E. M. Mesolithic Sites of the Kildinsky Strait and the Problem of Settling the Kola Peninsula in the Stone Age. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2019, vol. 64, iss. 2, pp. 666–682. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2019.214> (In Russian)

The routes and the time of the initial colonization of Northern Fennoscandia are among the most actively discussed topics of the Arctic archeology. In the last decade the KolaE IHMC RAS excavated four Mesolithic sites of Gusiny 4–7 on the southern coast of Kildin Strait, Barents Sea. The sites are located on ancient marine terraces at the elevations from 27–30 to 35 m asl. Remnants of a shallow square dwelling structure 3×3 m was investigated on Gusiny 6. The assemblage consists of quartz, silicified sandstone and chert items. There is set of tanged «Ahrensburgian» and single-edged points and flake-axes. Lithic assemblage of Gusiny 6 belongs to the phase I according to B. Olsen. The sites of that phase were dated back to 10000–9000 BP and represent the initial colonization of Northern Fennoscandia along the Norwegian coast. The excavated area of Gusiny 4, 5, 7 sites was 118, 80 and 42 m² respectively. Their assemblages are very similar and consist of chert, silicified sandstone and quartz artefacts. Technological context indicates that knapping process was aimed to blade-production in pressure technique or indirect percussion. Tools are normally restricted to retouched blades and lower amount of end-scrapers. Other types are represented by few items. There is a tanged point on blade modified with semi-abrupt and invasive retouch on ventral face. The closest analogy to the sites Gusiny 4, 5 and 7 are sites with the so-called “eastern” blade technology, which have spread in Northern Fennoscandia after 9000 BP. It is probably an evidence of migration from the forest zone of Eastern Europe.

Keywords: Kola peninsula, Northern Fennoscandia, Mesolithic, colonization, Komsa culture.

Введение

Начиная с 1920-х гг. вопросы о путях и времени заселения Северной Фенноскандии относятся к самым актуальным темам арктической археологии. Дискуссия началась после открытия А. Нуммедалем памятников каменного века в Западной и Северной Норвегии, отнесенных к культурам Фосна и Комса. Первоначально наибольшее распространение получила точка зрения о продвижении людей через Русскую равнину в конце верхнего палеолита или в раннем мезолите с востока: из южных областей России, Сибири, Монголии, Китая. Основой для таких утверждений служил архаичный, «макролитический», облик каменного инвентаря, аналогии которому находили среди изделий европейского среднего и даже нижнего палеолита¹. Одновременно были высказаны предположения о происхождении

¹ *Boe I., Nummedal A. Le Finnmarkien: les origins de la civilization dans l'extrême-nord de l'Europe.* Oslo, 1936. P. 183; *Gjessing G. Yngre steinalder i Nord-Norge.* Oslo, 1942. P. 373–378.

культур Фосна и Комса от финальнопалеолитических культур Северной Европы и о продвижении населения вдоль побережья Норвегии².

В русскоязычной литературе можно найти такие же взаимоисключающие мнения. Так, Б. Ф. Земляков после открытия стоянок «арктического палеолита» на полуостровах Средний и Рыбачий скептически отзывался о возможности проникновения населения через западное побережье Скандинавии и указывал на сходство кварцевого инвентаря этих памятников с северо-карельскими³. Н. Н. Гурина, видимо, вслед за А. Я. Брюсовым, в своих ранних работах рассматривала мезолитические стоянки северо-западной части полуострова как явление случайное, не имевшее продолжения. Она подчеркивала, что между мезолитом и неолитом Кольского полуострова отсутствует преемственность, а полноценное заселение региона относится лишь к позднему неолиту или эпохе раннего металла и происходит не ранее 1500 л. до н.э. с территории северо-восточной Карелии⁴. К 1980-м гг. точка зрения Н. Н. Гуриной существенно изменилась. В. Я. Шумкин поддержал точку зрения К. Однера о заселении Севера Фенноскандии, и в частности восточной ее части, по западному побережью Скандинавии. На это указывало распространение наиболее ранних мезолитических памятников в северо-западной части Кольского полуострова, их сходство (если не тождество) с памятниками культуры Комса, отсутствие ранних памятников в других районах⁵. Н. Н. Гурина предполагала, что заселение шло двумя путями: первоначально — с северо-западного направления, но для южной части полуострова можно говорить об инфильтрации населения с территории Карелии⁶.

В середине 1980-х гг. полевые исследования мезолитических памятников в Мурманской области прервались. Выходившие на протяжении 15–20 лет публикации или вводили в оборот накопленные ранее материалы⁷, или повторяли уже известные факты⁸. В эти годы в Скандинавии и Финляндии полевые работы не останавливались, а в Норвегии даже интенсифицировались: здесь были проведены широкомасштабные спасательные раскопки⁹. В результате была многократно

² Историю дискуссии см.: *Odner K. Komsakulturen i Nesseby og Sor-Varanger. Tromsø Museums Skrifter. Vol. XII. Tromsø, 1966. P. 135–136.*

³ *Земляков Б. Ф.*: 1) Археологические исследования на побережье Арктического океана // Тр. Советской секции Ассоциации по изучению четвертичного периода. Вып. 3. 1937. С. 85–86, 94; 2) Арктический палеолит на севере СССР // Советская археология. Вып. 5. 1940. С. 130.

⁴ *Гурина Н. Н.* Неолитические поселения северного побережья Кольского полуострова // Поселения эпохи неолита и раннего металла на Севере Европейской части СССР. Материалы и исследования по археологии СССР. № 20. М.; Л., 1951. С. 166–167.

⁵ *Шумкин В. Я.*: 1) Мезолит Кольского полуострова // Советская археология. 1986. № 2. С. 29–31; 2) Ранний каменный век западной части Европейской Арктики (мезолит северной Скандинавии) // Древности Северо-Запада России (славяно-финно-угорское взаимодействие, русские города Балтики). СПб., 1993. С. 56–58.

⁶ *Гурина Н. Н.* История культуры древнего населения Кольского полуострова. СПб., 1997. С. 132; Археология СССР. Мезолит СССР. М., 1989. С. 26.

⁷ *Шаяхметова Л. Г.* Пост-П — мезолитическая стоянка на северо-восточном побережье Баренцева моря // Древности Русского Севера. Вып. 1. Вологда, 1996. С. 43–52.

⁸ *Сорокин А. Н., Ошибкина С. В., Трусов А. В.* На переломе эпох. М., 2009. С. 256–263.

⁹ *Hesjedal A., Damm C., Olsen B., Storli I.* Arkeologi på Slettnes. Dokumentasjon av 11.000 års bosetning. Tromsø museum skrifter, vol. XXVI. Tromsø, 1996; *Hesjedal A., Ramstad M., Niemi A. R.* Undersøkelsene på Melkøya. Melkøya-prosjektet — kulturhistoriske registreringer og utgravninger 2001 og 2002. Tromsø (Kulturvitenskap). Vol. 36. Tromsø, 2009; *Bjerck H., Astveit L. I., Meling T., Gundersen J., Jørgensen G.,*

увеличена источниковая база, получены естественнонаучные данные, на основе которых были сделаны новые палеогеографические реконструкции, и положено начало целой волне новых исследовательских проектов. Характерные тенденции современных исследований — изучение технологии расщепления каменного сырья как культуроопределяющего признака¹⁰ и широкое использование АМС-датировок для установления хронологии памятников. Дискуссия о путях заселения Северной Фенноскандии возобновилась после раскопок стоянки Суяла в Северной Финляндии и повторного анализа или раскопок ряда сходных памятников в Северной Норвегии¹¹. Для них характерны следующие признаки: технология расщепления, направленная на получение пластин с помощью отжима или удара мягким отбойником, преднамеренная фрагментация пластин и использование ретушированных фрагментов в качестве вкладышей (?), использование пологой ретуши на вентральной поверхности для оформления орудий, прежде всего черешковых и листовидных наконечников. Первоначально памятники с этой индустрией были неудачно обозначены как «пост-свидерские», спустя несколько лет распространился нейтральный термин «памятники с “восточной” пластинчатой технологией», намекающий на аналогии этим памятникам в лесной зоне Восточной Европы, прежде всего в Бутовской культуре.

В настоящий момент многие исследователи поддерживают идею о проникновении около 8300–8200 л. до н.э. населения из лесной зоны Русской равнины в Северную Фенноскандию через территорию Карелии и Финляндии¹². Однако до недавнего времени проблемой в доказательствах восточного пути заселения Северной Фенноскандии оставалось отсутствие информации о подобных памятниках в Мурманской области и Северной Карелии.

Normann S. Ormen Lange Nyhamna. NTNU Vitenskapsmuseets arkeologiske undersøkelser. Trondheim, 2008.

¹⁰ *Berg-Hansen I. M. Continuity and change in Late Glacial and Postglacial social networks: knowledge transmission and blade production methods in Ahrensburgian and Early Mesolithic North West Europe // The Early Settlement of Northern Europe: The Technology of Early Settlement in Northern Europe: Transmission of Knowledge and Culture. Vol. 2. Sheffield, 2018. P. 63–98.*

¹¹ *Kankaanpää J., Rankama T. Fast or Slow Pioneers? A View from Northern Lapland // Lateglacial and Postglacial Pioneers in Northern Europe. BAR International Series, Edition: 2599. Oxford, 2014. P. 147–159; Rankama T., Kankaanpää J. From Russia with Love: Eastern Intruders in the North Norwegian Mesolithic // Early Economy and Settlement in Northern Europe: Pioneering, Resource Use, Coping with Change. The Early Settlement of Northern Europe. Vol. 3. Sheffield, 2018. P. 139–167; Sørensen M., Rankama T., Kankaanpää J., Knutsson K., Knutsson H., Melvold S., Eriksen B. V., Glørstad H. The First Eastern Migrations of People and Knowledge into Scandinavia: Evidence from Studies of Mesolithic Technology, 9th–8th Millennium BC // Norwegian Archaeological Review. 2013. Vol. 46(1). P. 19–56.*

¹² *Sørensen M., Rankama T., Kankaanpää J., Knutsson K., Knutsson H., Melvold S., Eriksen B. V., Glørstad H. The First Eastern Migrations of People and Knowledge into Scandinavia: Evidence from Studies of Mesolithic Technology, 9th–8th Millennium BC // Norwegian Archaeological Review. 2013. Vol. 46, no. 1. P. 19–56; Damlien H. Eastern pioneers in westernmost territories? Current perspectives on Mesolithic hunter-gatherer large-scale interaction and migration within Northern Eurasia // Quaternary International. 2014. Vol. 419. P. 5–16; Damlien H., Solheim S. The Pioneer Settlement of Eastern Norway // Early Economy and Settlement in Northern Europe — Pioneering, Resource Use, Coping with Change. Sheffield, 2018. P. 335–367; Kleppe J. I. Desolate landscapes or shifting landscapes? Late glacial/early post-glacial settlement of northernmost Norway in the light of new data from eastern Finnmark // Lateglacial and Postglacial Pioneers in Northern Europe. BAR International Series 2599. Oxford, 2014. P. 121–145; Tarasov A. Filling a gap in the migration route? Initial peopling of Lake Onega in the light of new radiocarbon datings // Norwegian Archaeological Review. Vol. 51, iss. 1–2. 2018. P. 178–189.*

В 2014–2016 гг. КолАЭ ИИМК РАН провела раскопки четырех мезолитических стоянок (Гусиный 4–7) на северном побережье Кольского полуострова (Мурманская область РФ), три из которых по характеру инвентаря относятся к числу памятников с так называемой восточной пластинчатой технологией, четвертый — к кругу памятников фазы I мезолита Северной Норвегии по Б. Ульсену¹³, или периода Комса по П. Вудману¹⁴.

Мезолитические стоянки Кильдинского пролива

В 2004–2005 и 2007 гг. КолАЭ ИИМК РАН впервые было проведено археологическое обследование острова Кильдин и прилегающего участка северного побережья Кольского полуострова¹⁵. В 2014–2016 гг. полевые работы продолжились. В результате на берегах Кильдинского пролива обнаружено 69 археологических памятников, среди которых 9 относятся к мезолитическому времени. На четырех — расположенных на южном (материковом) берегу Кильдинского пролива, у ручья Гусиный — стоянках Гусиный 4–7, были проведены раскопки (рис. 1).

Гусиный 4. Стоянка расположена в 650 м к западу от устья ручья Гусиный на мысовидной площадке третьей морской террасы высотой 28 м БСВ, ограниченной с востока озером Заскальным, с запада — заболоченным понижением. С севера стоянка прикрыта скальным возвышением, с юга ограничена скалой, возвышающейся над площадкой на 30 м. Площадь стоянки составляет 60 × 40 м. В 2014–2015 гг. на стоянке было заложено 4 раскопа. В раскопах 1, 3 и 4 (4 × 5 м, 2 × 2 м, 3 × 4 м соответственно) были обнаружены немногочисленные находки мезолитического облика, залегающие в дюнном песке с горизонтами погребенных дневных поверхностей (горизонтами почвообразования), которых могло быть до трех. Раскопом 2 (83 кв. м) был исследован средневековый курган диаметром 6,5 м и высотой до 0,7 м, а также овальное (7 × 5 м) скопление находок мезолитического времени, залегавшее ниже насыпи, в слое песка под погребенным дерном.

В юго-восточном углу раскопа 1 было расчищено округлое кострище диаметром 1,15 м, около которого наблюдалась концентрация находок. Небольшое скопление древесных угольков размером 1,1 × 0,65 м, разрушенное лисьей норой, было зафиксировано в раскопе 4. Других объектов в мезолитическом культурном слое стоянки не выявлено. Основная масса находок, среди которых представлены только каменные артефакты, обнаружена в раскопе 2 (795 экз.); всего на стоянке найдено 873 предмета (табл. 1).

Гусиный 5. Стоянка расположена в 650 м к югу от устья ручья Гусиный, на его левом коренном берегу, на слегка наклонной в северном направлении площадке третьей морской террасы высотой 30–32 м БСВ. По выдувам и обнажениям выявлено три участка распространения находок. Закладке раскопа предшествовал

¹³ Olsen B. Bostning og samfunn i Finnmarks forhistorie. Oslo, 1994. P. 29–30.

¹⁴ Woodman P. C. The Komsa Culture: a re-examination of its position in the Stone Age of Finnmark // Acta Archaeologica Vol. 63. 1993. P. 57–76.

¹⁵ Шумкин В. Я., Мурашкин А. И., Колпаков Е. М. Археологические памятники острова Кильдин и прилегающего участка побережья Кольского полуострова // Первобытная и средневековая история и культура Европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции. Соловки, 2006. С. 106–111.

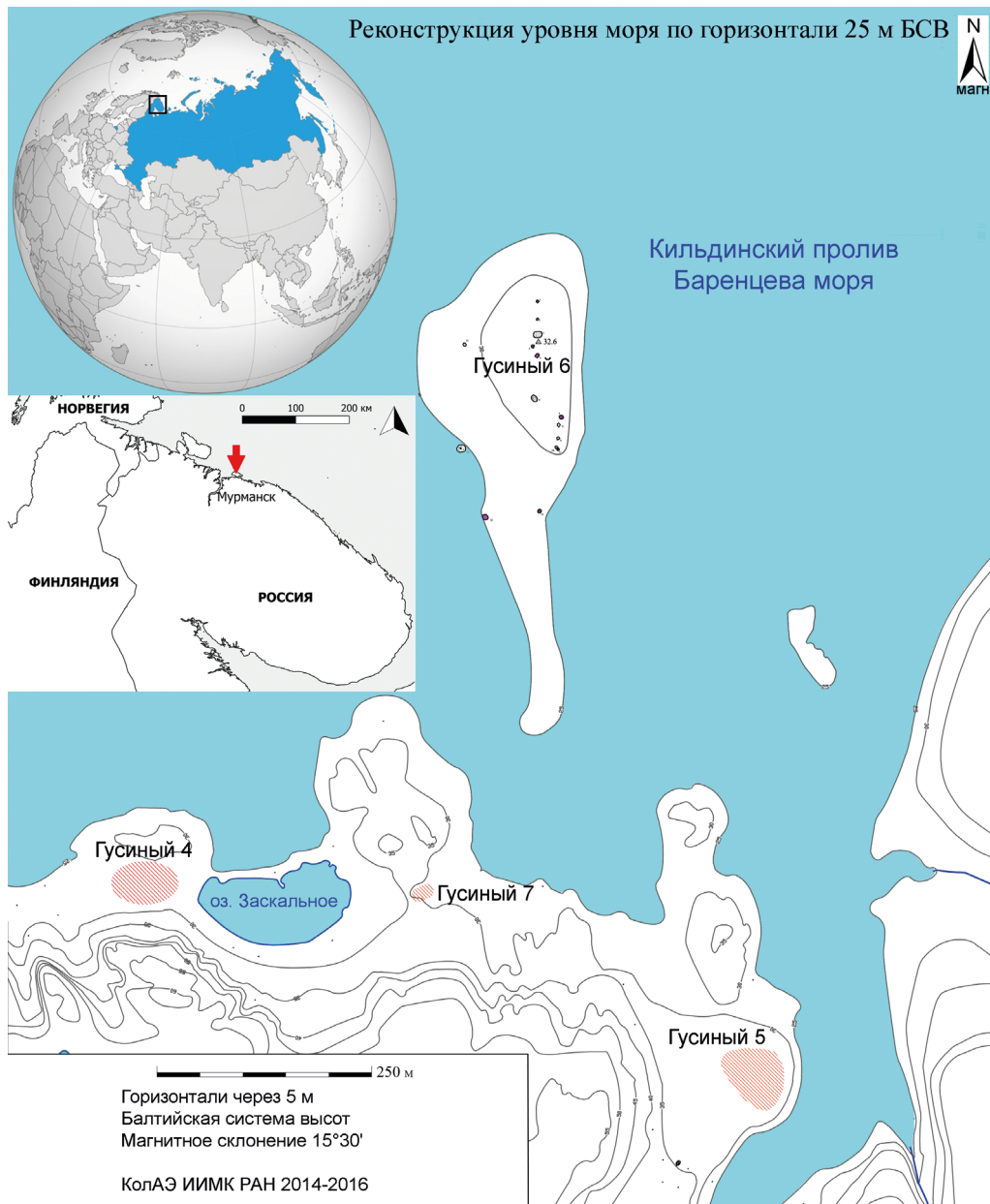

Рис. 1. План расположения стоянок Гусиный 4–7. Реконструирован уровень моря +25 м н. у. м. (рис. Е. М. Колпаков)

сбор подъемного материала с трехмерной фиксацией находок во всех трех пунктах. Раскоп площадью 80 м² был заложен на участке 3. Никаких объектов в раскопе не выявлено. Находки, представленные каменными изделиями, образуют отчетливое овальное скопление размером 6 × 5 м. Южная, восточная и северо-восточная границы скопления совершенно отчетливы, к северу и северо-западу концентрация

находок падает постепенно за пределами раскопа. Общее количество находок составляет 965 экз. (табл. 1). Большинство кварцевых артефактов собрано в скоплениях 1, лишь 14 из них — в пределах раскопа.

Таблица 1. Гусиный 6, жилище 8. Каменный инвентарь

Артефакты		Сырье			Итого
Технологический контекст	Наименование	Кварц	Кремень	Окремненный песчаник	
Продукты расщепления	Галька с оббивкой	8		3	11
	Нуклеус	41	2	9	52
	Осколок			2	2
	Пластина	39	12	20	71
	Отщеп	2250	151	1131	3532
	Микродебитаж	9367	95	791	10 253
Орудия	Отщеп с ретушью (из них со следами утилизации)	174 (8)	17 (2)	11 (-)	202 (10)
	Пластина с ретушью	7	4	1	12
	Наконечник	12	2	1	15
	Острие	2	1		3
	Проколка	4	1		5
	Скребок	46	3		49
	Скребло			1	1
	Скобель	19	2		21
	Нож	3			3
	Комбинированное орудие	3			3
	Резец		2		2
	Топор		1	6	7
ВСЕГО		11975	293	1976	14244

Гусиный 7. Стоянка находится в 400 м к западу от левого берега ручья Гусиный, на площадке третьей морской террасы высотой 29–30 м БСВ, ограниченной с севера и юга скальными возвышениями, с востока и запада — понижениями к озерам Девичьему и Заскальному. На памятнике было заложено два раскопа: первый, площадью 30 м², — около выдува, на котором обнаружены артефакты мезолитического облика; второй, площадью 12 м², — на расположенном в 10 м к юго-западу выложенном камнями крупном очаге, датированном XVII–XVIII вв. В восточной части раскопа 1 мезолитические находки залежали ниже погребенной почвы, в такой же стратиграфической ситуации, как на стоянке Гусиный 4. В раскопе 2 каменные артефакты залежали ниже камней очага. Никаких мезолитических объектов в обоих раскопах не выявлено, находки продолжались за пределами раскопов во всех направлениях. Всего на памятнике было обнаружено 247 каменных изделий (см. табл. 1).

Гусиный 6. Поселение расположено на вершине широкого мыса (30–32 м БСВ) между бухтами Ручьи и Каренкол, в 330 м к северо-западу от устья р. Гусиный (см. рис. 1). Здесь зафиксировано 15 объектов, из которых три квадратные западины размером до 3 × 3 м, глубиной до 0,2 м, по всей видимости, являются мезолитиче-

скими жилищами. Остальные — обкладки чумов, каменные и каменно-земляные насыпи, кольцевые выкладки из валунов — относятся к периоду от раннего железного века до Нового времени. В 2015–2016 гг. раскопом 4×4 м было исследовано жилище 8.

Визуально объект воспринимался как квадратная в плане оплывшая западина, размером не более 4×4 м по верхним краям, плавно понижающаяся к своему центру до глубины 25 см. Под дерном, или фактически сразу с поверхности, залегает светло-серый песок мощностью 5–15 см. Ниже начинается светло-коричневый песок. В нем вокруг центральной части западины проходит «канавка» шириной до 1 м и максимальной глубиной от поверхности до 25 см, заполненная серым, до черного в нижней части, песком. Заполнение «канавки» на ощупь производит впечатление слегка жирного. Именно из него происходят немногочисленные мелкие древесные угольки. В плане «канавка» близка по форме к квадрату с разрывом в северной части и с длиной стороны по внешней границе ~2,1 м. Каменные артефакты (14 244 экз.) (табл. 2) залегают от поверхности и до верхней части (~10 см) светло-коричневого песка. Наибольшая плотность артефактов наблюдается в районе «канавки», образуя в плане прямоугольник: ~2,6×2 м по внешней стороне и ~1,4×1 м — по внутренней, с двумя «хвостами» длиной до 1 м и шириной 0,5–1 м, отходящими от «прямоугольника» на север и на юг. По внешней границе это скопление артефактов частично ограничено крупными валунами. Под некоторыми из них обнаружены артефакты, но только под той стороной камней, которая обращена к центру сооружения.

Характеристика каменного инвентаря

По результатам предварительного анализа четыре исследованных памятника относятся к двум индустриям, различающимся по выбору сырья, технологии расщепления и орудийному набору.

Гусиный б. На памятнике обнаружено 14 244 предмета, из которых 11 974 изготовлено из кварца (84%), 1976 — из окремненного песчаника (14%)¹⁶, 293 — из окремненной породы, здесь и далее условно обозначенной как «кремь» (2%) (табл. 2). К начальной стадии расщепления относятся гальки из кварца (8 экз.) и окремненного песчаника (3 экз.) с 2–4 негативами сколов. Среди 52 нуклеусов представлены: дисковидные, призматические одно- и двуплощадочные, многоплощадочные ситуационного расщепления, биполярные. Для нуклеусов из кварца (41 экз.) и песчаника (9 экз.) не характерна подправка ударной площадки. У большинства из них имеется плоская, оформленная одним сколом, площадка; ретушированных площадок нет; у некоторых нуклеусов начальной стадии расщепления ударные площадки покрыты галечной коркой. Только у трех кварцевых нуклеусов отмечена подправка ударных площадок несколькими сколами. Ни у одного из нуклеусов из окремненного песчаника не отмечено подправки ударной площадки. У двух кремневых полностью истощенных призматических двуплощадочных нуклеусов имеется подправка ударных площадок, у одного — редуцирование карниза.

¹⁶ Определение условное; цвет породы варьирует от темно- до светло-серого, зернистость может быть ярко выражена, характерна слоистость; большая часть изделий имеет пористую, ветренную поверхность.

Чешуйки и отщепы составляют 10 253 и 3532 экз. По всей видимости, первичное расщепление кварца и окремненного песчаника проводилось на стоянке; об этом свидетельствует большой процент сколов с галечной коркой (18 и 14% соответственно), их крупные размеры, большой процент первичных отщепов. Среди кремневых отщепов имеются технические — сколы подправки ударной площадки нуклеуса («таблетки»), сколы оживления плоскости расщепления. Общее количество пластин — 93 экз. (46 — из кварца, 16 — из кремня, 21 — из окремненного песчаника); примерно треть пластин из кварца и окремненного песчаника имеет галечную корку и около половины — треугольное сечение. Подавляющее большинство пластин массивные, укороченных пропорций, с нерегулярной огранкой — по всей видимости, они были получены случайно.

Таким образом, расщепление всех видов сырья на памятнике было направлено на получение отщепов. Только кремневые артефакты демонстрируют признаки подправки нуклеусов, что было связано не со стремлением получать пластины, а направлено на продление их «жизни» для экономии ценного сырья.

Предметов со вторичной обработкой в коллекции 323 экз., из них отщепов с ретушью — 202 экз. Зачастую производилось минимальное ретуширование изделий, поэтому четкое разделение отщепов с ретушью и орудий затруднено. Такой характер обработки в целом характерен для мезолитических памятников Кольского полуострова. Пластин с ретушью — 12 экз. (7 — из кварца, 4 — из кремня, 1 — из окремненного песчаника). У всех пластин ретушь зафиксирована только на дорсальной поверхности; наиболее характерна крутая ретушь.

Среди орудий наибольшее число составляют изготовленные на отщепах скребки (46 — из кварца, 3 — из кремня) и скобели (19 — из кварца, 2 — из кремня). Представлены одно-, дву- и трехлезвийные изделия. В коллекции имеется одно скребло из окремненного песчаника, изготовленное на массивном отщепе крупной ретушью. Другие орудия представлены остриями (3), проколками (5), резцами (2), комбинированными (2 — скребок-нож, 1 — скребок-скобель).

Коллекция включает 15 наконечников стрел и их фрагментов: 12 — из кварца, 2 — из кремня, 1 — из окремненного песчаника. Из них 13 — черешковые (рис. 2: 3–6). Почти все они изготовлены на пластинчатых отщепах. Чаще всего крутой ретушью на дорсальной поверхности оформлен только расположенный в проксимальной части скола черешок. Изредка используется противоположащая ретушь или крутая ретушь на вентральной поверхности. Во всех случаях обработка минимальна — черешок оформлен несколькими фасетками. Обработка пера отмечается только у двух изделий. Кроме того, имеется поперечнолезвийный кварцевый и подтреугольный кремневый наконечник (рис. 2: 1, 2). В коллекции представлено семь рубящих орудий, изготовленных на крупных отщепах (6 — из окремненного песчаника, 1 — из кремня). У них крутой обивкой и ретушью сформированы боковые грани, лезвием служит необработанный край отщепа (рис. 2: 7–8).

Гусиный 4, 5, 7. В качестве сырья на всех трех стоянках использовался кремень, окремненный песчаник и кварц в различных пропорциях (табл. 2). Среди мезолитических памятников Кольского полуострова данные памятники выделяются большим количеством кремневых пластин и связанных с их изготовлением продуктов расщепления. Сходство инвентаря позволяет охарактеризовать каменную индустрию стоянок Гусиный 4, 5, 7 суммарно.

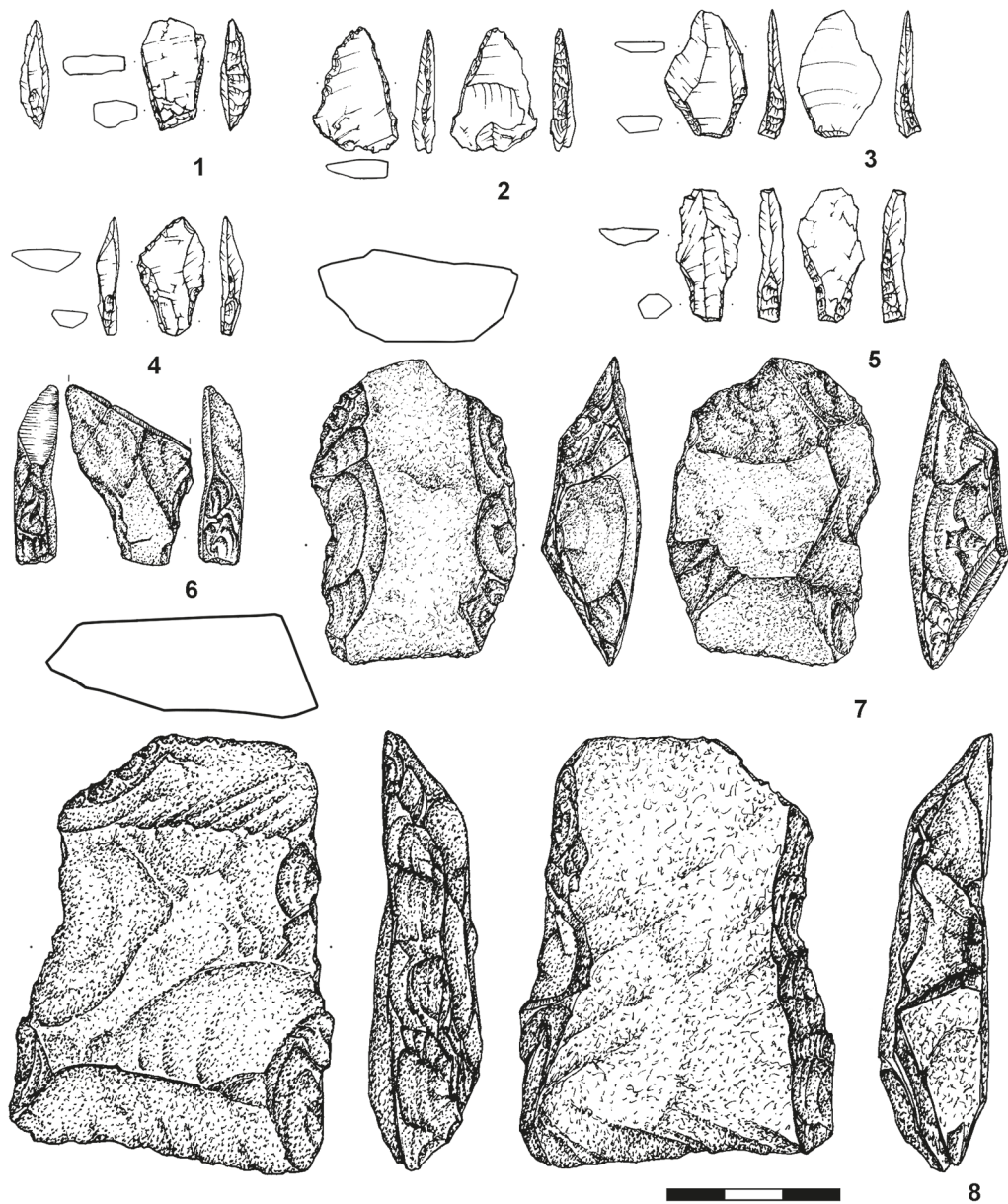

Рис. 2. Инвентарь стоянки Гусиный 6, жилище 8:

1 — поперечнолезвийный наконечник стрелы; 2 — треугольный наконечник стрелы; 3–6 — черешковые наконечники стрел; 7–8 — топоры на отщепах; (1, 3–5 — кварц; 2 — кремь; 6–8 — окремненный песчаник) (рис. А. А. Малютина)

В коллекции имеется два кремневых полностью истощенных призматических одноплощадочных нуклеуса для снятия пластин (рис. 3: 16–17). Их ударные площадки оформлены несколькими сколами и покрыты негативами мелких снятий. Нуклеусов из других пород нет. Среди кремневых отщепов на всех стоянках пред-

Таблица 2. Гусиный 4, 5 и 7. Каменный инвентарь

Наименование	Гусиный 4				Гусиный 5				Гусиный 7				
	Кр.	О.п.	Кв.	Итого	Кр.	О.п.	Кв.	Итого	Кр.	О.п.	Кв.	Гр.	Итого
Галька с оббивкой		1		1		1	1	2			1		1
Нуклеус	1			1	1			1					
Чешуйка	249	10	12	271	21	113	25	159	18	1	94		113
Отщеп	312	23	41	376	150	289	52	491	20	15	56		91
Осколок	9			9	7			7			2		2
Пластина	94	3		97	145	12		157	18		1		19
Отщеп с ретушью	22			22	21	1	3	25	6		2		8
Пластина с ретушью	68			68	98			98	9				9
Скребок	8			8	10		1	11	1		1		2
Скобель					4			4					
Резец	7			7	1			1					
Проколка	2			2	2			2					
Острие	1			1	2			2	1				1
Комбинированное					2			2					
Наконечник					1			1					
Отбойник												1	1
ВСЕГО	773	37	53	863	465	416	82	963	73	16	157	1	247

ставлены многочисленные технические сколы, связанные с подготовкой и подправкой нуклеусов, в том числе: подправки ударной площадки нуклеусов («таблетки»), подправки фронта расщепления, подправки основания нуклеуса. Среди сколов большую часть составляют пластины и микропластины: Гусиный 4 — 97 экз.; Гусиный 5 — 157 экз.; Гусиный 7 — 18 экз. Пластины имеют признаки скалывания в технике отжима или удара через посредник: большая ширина при малой толщине, параллельность краев, слабый изгиб, трапециевидное сечение, наличие «губы», фасетированные ударные площадки минимальных размеров, редуцирование карниза, пологий рельеф ударного бугорка и т. д. Самая длинная пластина (с обломанным дистальным концом) достигает 7,5 см при толщине 4 мм. Несомненно, расщепление кремня на стоянках было направлено на получение пластин.

Среди изделий со вторичной обработкой доминируют фрагменты пластин с ретушью (десять из них имеют резцовые сколы): Гусиный 4 — 68 экз.; Гусиный 5 — 98 экз.; Гусиный 7 — 9 экз.; особенно часто ретушируются медиальные части пластин (см. рис. 3: 3–5, 9, 11–12). Широко представлены фрагменты пластин с ретушью утилизации (см. рис. 3: 10, 14). Большую часть орудий составляют скребки (19 экз.). Среди них представлены концевые на пластинах и ногтевидные на отщепах (см. рис. 3: 6, 13, 15). Для концевых характерна обработка крутой ретушью боковых, прилегающих к скребковому лезвию, граней. Четыре скобеля изготовлены на отщепах. Восемь боковых резцов оформлены на углу сломанных пластин. В коллекциях представлены четыре проколки на отщепах и четыре острия на пластинах.

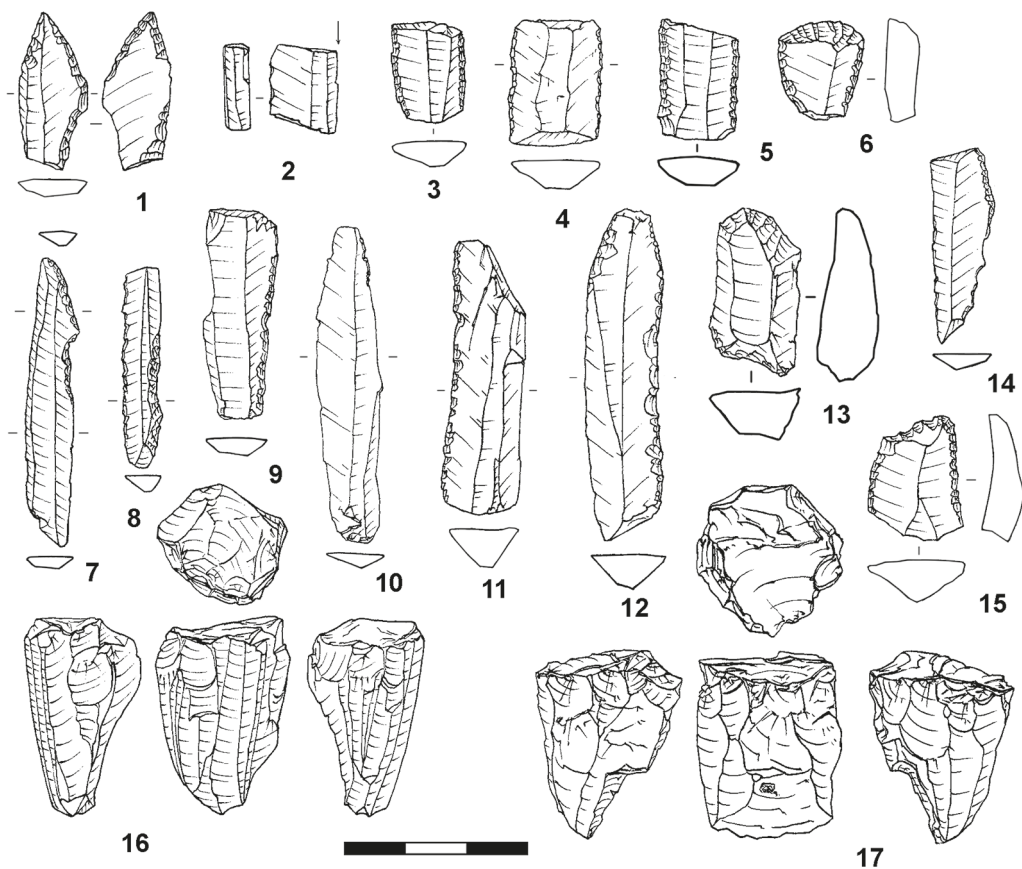

Рис. 3. Инвентарь стоянок Гусиный 4, 5 и 7:

1 — наконечник стрелы; 2 — резец; 3–5, 8–9, 11–12 — ретушированные фрагменты пластин; 6, 13, 15 — скребки; 7 — острие; 10, 14 — пластины с ретушью утилизации; 16–17 — нуклеусы. 1, 2, 4, 6, 10–12, 17 — Гусиный 5; 3, 5, 9, 13, 15, 16 — Гусиный 4; 7, 8 — Гусиный 7 (все — кремнь, рис. А. А. Малютина)

Для оформления острий характерно использование крутой ретуши на дорсальной поверхности. Одно из них имеет выделенный ретушью зубец (рис. 3: 7). Два комбинированных орудия представлены скребком-скобелем на отщепе и скребком-проколкой. Черешковый наконечник со стоянки Гусиный 5 изготовлен из пластинчатого отщепа (?) с помощью полукрутой ретуши на дорсальной поверхности и полой — на вентральной (рис. 3: 1).

Продукты расщепления кварца представлены только отщепами и чешуйками (см. табл. 2). Единственное исключение — пластина из кварца со стоянки Гусиный 7. Предметы со вторичной обработкой на стоянке Гусиный 4 полностью отсутствуют, на стоянках Гусиный 5 и 7 представлены пятью отщепами с ретушью и двумя скребками на отщепах.

Примерно половину инвентаря стоянки Гусиный 5 составляют артефакты из кремненного песчаника; в небольшом количестве они представлены и на двух других памятниках (см. табл. 2). Среди отщепов присутствует большое количество

крупных массивных сколов, многие из которых имеют галечную корку, покрывающую всю дорсальную поверхность. Очевидно, расщепление галек кремневого песчаника происходило на стоянках. Подобные гальки встречены в русле ручья Гусиный и на многих участках побережья. Также в коллекции имеются пластины из этого материала (Гусиный 4 — 3 экз., Гусиный 5 — 12 экз.). Они резко отличаются по своим пропорциям от кремневых: гораздо массивнее, с неровными краями, укороченных пропорций. Орудия в коллекциях отсутствуют; имеется единственный отщеп с несколькими фасетками грубой ретуши (Гусиный 5). Единственный предмет из гранита — отбойник из небольшой округлой гальки, на двух сторонах которого имеются отчетливые следы забитости (Гусиный 7).

Культурно-хронологическая атрибуция мезолитических стоянок у ручья Гусиный

Определение возраста исследованных стоянок возможно на основании результатов радиоуглеродного датирования, приуроченности к древним береговым линиям и типологическим аналогиям. В настоящее время одна ^{14}C -дата получена по древесному углю из кострища в раскопе 1 на стоянке Гусиный 4 — $8418 \pm 80 \text{ BP}$ (СПб-1377) (7595-7301, 7217-7201 calBC). Вторая дата получена по древесному углю из скопления на дне «канавки» в жилище 8 на поселении Гусиный 6 — $8350 \pm 150 \text{ BP}$ (СПб-2113) (7705-7699, 7682-7041 calBC).

Детальные реконструкции поднятия земной коры и перемещения древних морских береговых линий выполнены для Кольского залива и района г. Полярный¹⁷, которые находятся в 30 км к западу от р. Гусиный. Считается, что уровень 30 м н. у. м. освободился в период от 9000 до 8500 л. н., а в период до 7000 л. н. на уровне 29–30 м отмечалось длительное стояние уровня моря, соотнесенное с трансгрессией тапес¹⁸. На северном берегу Кильдинского пролива, в восточной части о. Кильдин, на высоте 24–26 м выявлен террасовый уровень, относящийся к ранней стадии трансгрессии тапес¹⁹. По всей видимости, террасовый уровень 28–32 м, на котором расположены стоянки Гусиный 4–7, формировался в период 9000–8500 л. н.

Аналогии инвентарю из жилища 8 на стоянке Гусиный 6 обнаруживаются в памятниках, относящихся к культуре Комса, охватывающей Северную Норвегию и северную часть Кольского полуострова. Для раннего периода культуры, за которым П. Вудман предложил закрепить эпонимное название Комса²⁰, а Б. Ульсен называет фазой I²¹, характерны оформленные крутой ретушью на дорсальной поверхности

¹⁷ Corner G. D., Kolka V. V., Yevzerov V. Y., Møller J. J. Postglacial relative sea-level change and stratigraphy of raised coastal basins on Kola Peninsula, northwest Russia // *Global and Planetary Change*. Vol. 31. 2001. P. 155–177; Толстобров Д. С., Толстоброва А. Н., Колька В. В., Корсакова О. П. Постледниковое поднятие земной коры в северо-западной части Кольского региона // *Вестник Мурманского гос. техн. ун-та*. 2015. Т. 18, № 2. С. 295–306.

¹⁸ Толстобров Д. С., Толстоброва А. Н., Колька В. В., Корсакова О. П. Постледниковое поднятие земной коры в северо-западной части Кольского региона. С. 302.

¹⁹ Митяев М. В., Корсун С. А., Стрелков П. П., Матишов Г. Г. Древние береговые линии Восточного Кильдина // *Докл. Академии Наук*. 2008. Т. 423, № 4. С. 546–550.

²⁰ Woodman P. C. The Komsa culture. A re-examination of its position in the Stone Age of Finnmark // *Acta Archaeologica*. 1993. Vol. 63. P. 57–76.

²¹ Olsen B. *Bosetning og samfunn i Finnmarks forhistorie*. Oslo, 1994. P. 30

черешковые наконечники, остря с притупленной спинкой, а также грубые топоры на отщепах. С точки зрения технологического анализа для этого периода характерно использование нерегулярных пластин или отщепов, полученных в результате прямого удара мягким отбойником; основные типы нуклеусов — дисковидные и призматические двуплощадочные²². Эта стадия на основании немногочисленных радиоуглеродных определений датируется 10 000–9000 л. н.²³.

Прямые аналогии материалам стоянок Гусиный 4, 5, 7 находятся в коллекции стоянки Суяла, исследованной в 2004–2006 гг. в Северной Финляндии. Почти все изделия на памятнике (98,6%) изготовлены из кремневой породы, которую авторы определяют как слабометаморфизированный песчаник²⁴. Из 6341 предмета в коллекции 1739 составляют пластины и их фрагменты и 401 — ретушированные пластины. На основании подробного исследования продуктов расщепления авторы исследования делают вывод о получении пластин в результате отжима или удара через посредник²⁵. Сходство стоянок прослеживается не только в сырьевой базе и технологии расщепления (оформление ударных площадок нуклеусов, сколы подправки нуклеусов, параметры пластин)²⁶, но и характере инвентаря (важно учитывать, что набор вторично обработанных изделий чрезвычайно разнообразен). Для всех памятников характерны преднамеренная фрагментация и ретуширование пластин, резцы на углу сломанной пластины, обработка боковых граней концевых скребков на пластинах²⁷. Единственный наконечник из стоянки Гусиный 5 идентичен одному из наконечников Суялы²⁸.

В настоящее время в Северной Норвегии выявлена серия памятников с инвентарем, сходным с обнаруженным на стоянке Суяла: Фаллегоахтесайегуолба, Мортенснес 2/P10, Стареньюнни, Саленсхогда, Престестуа 2 и др. Коллекции большинства из них получены в результате сборов на разветвленных террасах, только некоторые получены в результате раскопок. Отдельные коллекции имеют смешанный характер (Саленсхогда), когда только часть комплекса относится к технологическому контексту получения и использования отжимных пластин²⁹. П. Вудман, кото-

²² Ibid. P. 29–30; *Kankaanpää J., Rankama T.* Fast or Slow Pioneers? A View from Northern Lapland // *Lateglacial and Postglacial Pioneers in Northern Europe*. BAR International Series 2599. Oxford, 2014. P. 151–152.

²³ *Olsen B.* Bøsetning og samfunn i Finnmarks forhistorie. P. 29–31; *Bang-Andersen S.* Colonizing contrasting landscapes. The pioneer coast settlement and inland utilization in Southern Norway 10,000–9500 years before present // *Oxford journal of archaeology*. 2012. Vol. 31 (2). P. 106–108; *Kleppe J. I.* Desolate landscapes or shifting landscapes? Late glacial/early post-glacial settlement of northernmost Norway in the light of new data from eastern Finnmark // *Lateglacial and Postglacial Pioneers in Northern Europe*. BAR International Series 2599. Oxford, 2014. P. 136–137; *Bang-Andersen S.* Colonizing contrasting landscapes. The pioneer coast settlement and inland utilization in Southern Norway 10,000–9500 years before present // *Oxford journal of archaeology*. 2012. Vol. 31 (2). P. 103–120; *Бланкхольм П., Хууд Б., Клеп Й. И.* Северная Скандинавия. Синтез // *Первоначальное заселение Арктики человеком в условиях меняющейся природной среды: Атлас-монография*. М., 2014. С. 24–25.

²⁴ *Rankama T., Kankaanpää J.* First evidence of eastern Preboreal pioneers in arctic Finland and Norway // *Quartär. International Yearbook for Ice Age and Stone Age Research*. 2011. Vol. 58. P. 186.

²⁵ Ibid. P. 187–191.

²⁶ См. например: Ibid. Fig. 7, 9, 11, 16.

²⁷ Ibid. Fig. 11, 17-c, d; 18-d.

²⁸ Ibid. Fig. 19-f.

²⁹ *Rankama T., Kankaanpää J.* From Russia with Love: Eastern Intruders in the North Norwegian Mesolithic // *Early Economy and Settlement in Northern Europe: Pioneering, Resource Use, Coping with Change. The Early Settlement of Northern Europe*. Vol. 3. P. 139–167.

рый в начале 1990-х гг. анализировал инвентарь некоторых из этих памятников, выделил их в период / фазу Саленсхогда (9000–7500/7000 л. н.) и подчеркивал отличие этой группы памятников от более ранних³⁰. На современном этапе многие исследователи подчеркивают сходство памятников типа Суяла с мезолитическими культурами с пластинчатым инвентарем лесной зоны Восточной Европы, прежде всего Бутовской, Веретье, Кунда. Предполагается, что распространение технологии отжима пластин на рубеже фаз I (Комса) и II (Саленсхогда) связано с проникновением в Северную Фенноскандию нового населения из Восточной Европы³¹. Эта миграция по времени совпадает с началом Бореального периода и распространения сосновых лесов в Северную Фенноскандию³².

Гипотеза о восточном пути заселения Северной Фенноскандии нуждается в подтверждении, поскольку базируется на анализе нескольких памятников, расположенных в «конечной» точке маршрута. В настоящий момент на территории Кольского полуострова имеется три стоянки, сходные по инвентарю с кругом стоянок типа Суяла. Сведения о других памятниках с подобным инвентарем пока (?) минимальны.

В отчете А. В. Анпилогова о раскопках стоянок Ловозеро II, Па и III в 1970 г. содержатся фотографии и описания кремневых пластин, чрезвычайно близких по своим параметрам к отжимным пластинам со стоянок типа Суяла³³. При описании материала стоянки Шуонийоки 2 Н. Н. Гурина упоминает «отчетливо выраженный постсвидерский наконечник стрелы и классической формы конический нуклеус с негативами от очень узких, правильного огранения ножевидных пластин»³⁴. С двух стоянок в Лумбовской Губе (воронка Белого моря) также происходят ножевидные пластины «правильного огранения, ширина негативов на которых не превышает 3–4 мм ... Стоянки Лумбовской Губы указывают на связь с юговосточными районами — Припечорском и Вычегодским краем»³⁵. В пользу гипотезы восточного пути заселения Кольского полуострова, возможно, говорит возраст четырех памятников Северного Обонежья, датированных около 9000 л. н., в материале которых представлен пластинчатый инвентарь³⁶.

³⁰ Woodman P. C. The Komsa culture. A re-examination of its position in the Stone Age of Finnmark. P. 57–76.

³¹ Damlien, H. Eastern pioneers in westernmost territories? Current perspectives on Mesolithic hunter-gatherer large-scale interaction and migration within Northern Eurasia // *Quaternary International*. 2014. Vol. 419. P. 5–16; Sorensen M., Rankama T., Kankaanpaa J., Knutsson K., Knutsson H., Melvold S., Eriksen B. V., Glorstad H. The First Eastern Migrations of People and Knowledge into Scandinavia: Evidence from Studies of Mesolithic Technology, 9th–8th Millennium BC // *Norwegian Archaeological Review*. 2013. Vol. 46, no. 1. P. 19–56; Rankama T., Kankaanpaa J. From Russia with Love: Eastern Intruders in the North Norwegian Mesolithic. P. 139–167.

³² Сапелько Т. В. Северная Скандинавия. Палеогеография Кольского полуострова // Первоначальное заселение Арктики человеком в условиях меняющейся природной среды: Атлас-монография. М., 2014. С. 30–37.

³³ Анпилогов А. В. Фотоальбом к отчету о работе Мурманской археологической экспедиции за 1970 год // Архив Мурманского областного краеведческого музея. НВ № 5433/2. Рис. 19, 20, 29.

³⁴ Археология СССР. Мезолит СССР. М., 1989. С. 25

³⁵ Гурина Н. Н. Отчет о полевых работах Кольской археологической экспедиции 1969 г. // Архив ИИМК РАН. 1969. Ф. 35. Д. 25. Л. 10–11.

³⁶ Tarasov A. Filling a gap in the migration route? Initial peopling of Lake Onega in the light of new radiocarbon datings.

References

- Bang-Andersen S. Colonizing contrasting landscapes. The pioneer coast settlement and inland utilization in Southern Norway 10,000–9500 years before present. *Oxford journal of archaeology*, 2012, vol. 31 (2), pp. 103–120.
- Berg-Hansen I. M. Continuity and change in Late Glacial and Postglacial social networks: knowledge transmission and blade production methods in Ahrensburgian and Early Mesolithic North West Europe. *The Early Settlement of Northern Europe: The Technology of Early Settlement in Northern Europe: Transmission of Knowledge and Culture*. Vol. 2. Sheffield: Equinox Publishing, 2018, pp. 63–98.
- Bjerck H. B., Astveit L. I., Meling T., Gundersen J., Jørgensen G., Normann S. *Ormen Lange Nyhamna. NTNU Vitenskapsmuseets arkeologiske undersøkelser*. Trondheim: Tapir Akademisk Forlag, 2008, 662 p.
- Bøe I., Nummedal A. *Le Finnmarkien: les origines de la civilisation dans l'extrême-nord de l'Europe*. Institutet for sammenlignende Kulturforskning, B 32, Oslo, 1936, 263 s.
- Blankkhol'm P., Khuud B., Klep Y. I. Northern Scandinavia. *Synthesis. Initial Human Colonization of Arctic in Changing Paleoenvironments: Atlas-monograph*. Eds V. M. Kotliakov, A. A. Velichko, S. A. Vasil'yev. Moscow, GEOS Publ., 2014, pp. 24–29. (In Russian)
- Corner G. D., Kolka V. V., Yevzerov V. Y., Møller J. J. Postglacial relative sea-level change and stratigraphy of raised coastal basins on Kola Peninsula, northwest Russia. *Global and Planetary Change*, 2001, vol. 31, pp. 155–177.
- Damlien H. Eastern pioneers in westernmost territories? Current perspectives on Mesolithic hunter-gatherer large-scale interaction and migration within Northern Eurasia. *Quaternary International*, 2014, vol. 419, pp. 5–16.
- Damlien H., Solheim S. The Pioneer Settlement of Eastern Norway. *Early Economy and Settlement in Northern Europe: Pioneering. Resource Use, Coping with Change. The Early Settlement of Northern Europe*. Ed by H. P. Blankholm. Vol. 3. Sheffield, Equinox eBooks Publishing, 2018, pp. 335–367.
- Gjessing G. *Yngre steinalder i Nord-Norge. Institutt for sammenlignende kulturforskning B XXXIX*. Oslo, 1942, 525 s.
- Gurina N. N. Neoliticheskiye poseleniya severnogo poberezh'ia Kol'skogo poluoostrova. *Poseleniia epokhi neolita i rannego metalla na Severe Evropeiskoi chasti SSSR. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, no. 20. Moscow; Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR, 1951, pp. 143–167. (In Russian)
- Gurina N. N. *Istoriia kul'tury drevnego naseleniia Kol'skogo poluoostrova*. St. Petersburg, Tsentr "Peterburgskoe Vostokovedenie", 1997, 240 p. (In Russian)
- Hesjedal A., Damm C., Olsen B., Storli I. Arkeologi pa Slettnes. *Dokumentasjon av 11.000 ars bosetning. Tromsø museum skrifter*. Tromsø, 1996, vol. XXVI, 246 s.
- Hesjedal A., Ramstad M., Niemi A. R. *Undersøkelsene pa Melkoya. Melkoyaprojektet — kulturhistoriske registreringer og utgravninger 2001 og 2002. Tromsø (Kulturvitenskap)*. Tromsø, 2009, vol. 36, 514 s.
- Kankaanpaa J., Rankama T. Fast or Slow Pioneers? A View from Northern Lapland. *Lateglacial and Postglacial Pioneers in Northern Europe. BAR International Series 2599*. Eds F. Riede, M. Tallavaara. Oxford, Archaeopress, 2014, pp. 147–159.
- Kleppe J. I. Desolate landscapes or shifting landscapes? Late glacial/early post-glacial settlement of northernmost Norway in the light of new data from eastern Finnmark. *Lateglacial and Postglacial Pioneers in Northern Europe. BAR International Series 2599*. Oxford, Archaeopress, 2014, pp. 121–145.
- Mitiaev M. V., Korsun S. A., Strelkov P. P., Matishov G. G. Drevnie beregovye linii Vostochnogo Kildina. *Doklady Akademii Nauk*, 2008, vol. 423, iss. 4, pp. 546–550. (In Russian)
- Odner K. *Komsakulturen i Nesseby og Sor-Varanger. Tromsø Museums Skrifter*. Tromsø, Universitetsforlaget, 1966, vol. XII, 164 p.
- Olsen B. *Bosetning og samfunn i Finnmarks forhistorie*. Oslo, Universitetsforlaget, 1994, 158 p.
- Rankama T., Kankaanpaa J. First evidence of eastern Preboreal pioneers in arctic Finland and Norway. *Quartär. International Yearbook for Ice Age and Stone Age Research*, 2011, vol. 58, pp. 183–209.
- Rankama T., Kankaanpaa J. From Russia with Love: Eastern Intruders in the North Norwegian Mesolithic. *Early Economy and Settlement in Northern Europe: Pioneering. Resource Use, Coping with Change. The Early Settlement of Northern Europe*. Ed by H. P. Blankholm. Vol. 3. Sheffield, Equinox eBooks Publishing, 2018, pp. 139–167.

- Sapelko T.V. Northern Scandinavia. *Paleogeography of the Kola Peninsula. Initial Human Colonization of Arctic in Changing Paleoenvironments: Atlas-monograph*. Eds V.M.Kotliakov, A.A.Velichko, S.A.Vasil'ev. Moscow, GEOS, 2014, pp. 30–37. (In Russian)
- Sorensen M., Rankama T., Kankaanpaa J., Knutsson K., Knutsson H., Melvold S., Eriksen B. V., Glorstad H. The First Eastern Migrations of People and Knowledge into Scandinavia: Evidence from Studies of Mesolithic Technology, 9th-8th Millennium BC. *Norwegian Archaeological Review*, 2013, vol. 46, no. 1, pp. 19–56.
- Sorokin A. N., Oshibkina S. V., Trusov A. V. *Na perelome epokh*. Moscow, Grif i K, 2009, 388 p. (In Russian)
- Shaiakhmetova L. G. Post-II — mezoliticheskaia stoianka na severo-vostochnom poberezh'e Barentseva moria *Drevnosti Russkogo Severa*. Iss. 1. Vologda, Ardisura, 1996, pp. 43–52. (In Russian)
- Shumkin V. Ya. Mesolithic of the Kola peninsula. *Soviet Archaeology*, 1986, iss. 2, pp. 15–33. (In Russian)
- Shumkin V. Ya. Rannii kamennyi vek zapadnoi chasti Evropeiskoi Arktiki (mezolit severnoi Skandinavii). *Drevnosti Severo-Zapada Rossii (slaviano-finno-ugorskoe vzaimodeistvie, russkie goroda Baltiki)*. St. Petersburg, Tsentr "Peterburgskoye vostokovedeniye" Publ., 1993, pp. 34–58. (In Russian)
- Tarasov A. Filling a gap in the migration route? Initial peopling of Lake Onega in the light of new radiocarbon datings. *Norwegian Archaeological Review*, 2018, vol. 51, iss. 1–2, pp. 178–189.
- Tolstobrov D. S., Tolstobrova A. N., Kol'ka V. V., Korsakova O. P. Postlednikovoe podniatie zemnoi kory v severo-zapadnoi chasti Kol'skogo regiona. *Vestnik of the Murmansk Technical University*, 2015, vol. 18, iss. 2, p. 295–306. (In Russian)
- Woodman P. C. The Komsa culture. A re-examination of its position in the Stone Age of Finnmark. *Acta Archaeologica*, 1993, vol. 63, pp. 57–76.
- Zemliakov B. F. Arkheologicheskie issledovaniia na poberezh'ye Arkticheskogo okeana. *Trudy Sovetskoi sektiisii Assotsiatsii po izucheniiu chetvertichnogo perioda*. Iss. 3, Leningrad, Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR, 1937, pp. 81–106. (In Russian)
- Zemliakov B. F. Arkticheskii paleolit na severe SSSR. *Sovetskaia arkheologiya*. Issue 5. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR, 1940, pp. 107–143. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 24 мая 2018 г.

Рекомендована в печать 12 марта 2019 г.

Received: May 24, 2018

Accepted: March 12, 2019